

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

RUSSIA YESTERDAY, TODAY, TOMORROW

DOI: 10.31249/rsm/2023.04.01

С.А. Лиманова

БОГАТЫРИ И НЕБЫЛИЦЫ. НАРОДНЫЙ ПРАЗДНИК В КОРОНАЦИЮ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III¹

Аннотация. Статья посвящена коронационным празднованиям императора Александра III в мае 1883 г. Коронационный цикл длился три недели и вобрал самые разные церемонии (церковные, военные), имеющие особый сакральный смысл. Подробно анализируется один из самых массовых коронационных праздников – народные гулянья на Ходынском поле 21 мая 1883 г. Этот традиционный народный праздник, подготовленный опытным антрепренером М.В. Лентовским и начинающим сценографом Ф.О. Шехтелем в виде ярмарочных гуляний, имел успех у публики. Его центральной площадкой и связующим звеном стало устройство аллегорического шествия Весна Красна. Сюжет весеннего обновления с привлечением необычно костюмированных, сказочных героев позволил создать необходимую атмосферу праздника и веселья. Рассредоточить собравшийся народ удалось с помощью разделения пространства гуляний на отдельные сцены и игровые площадки внутри огромного Ходынского поля. Участники праздника получили угощение и памятные подарки, а самое главное – смогли лицезреть нового коронованного правителя. Цель – наглядно показать единство царя и народа – была реализована. «Лубочная картинка» праздника посредством печати транслировалась на всю империю. Иные трактовки торжества имели место в радикальной прессе, но на самих гуляниях они не сказались. Коронация 1883 г. была первой после отмены крепостного права, а потому крестьяне стали ее новыми полноправными участниками, о чем свидетельствовал организованный во дворе Петровского дворца обед для волостных старшин. Император Александр III почтил его своим присутствием и произнес соответствующие случаю речи, поддержанные присутствующими. Народный праздник показал, что успешная организация такого рода увеселений требует четкого заблаговременного планирования, сочетания с общей концепцией торжества и обеспечения безопасности собравшихся. Вариативность гуляний во многом зависела как от конкретного «государственного заказа», так и от творческого потенциала непосредственных организаторов.

Ключевые слова: коронация; Александр III; 1883; Российская империя; народный праздник; репрезентация власти; организация торжеств; шествие; Ходынское поле.

1. Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 20-18-00482.

Лиманова Светлана Андреевна, канд. ист. наук,
Институт российской истории, Институт всеобщей истории,
старший научный сотрудник. Россия, Москва.
E-mail: serovasvetlana@mail.ru
Scopus Author ID: 57220923106
Web of Science Researcher ID: AAF-3549-2020

Limanova S.A. Epic Heroes and Epic Fables. Festivities during the crowing of Emperor Alexander III

Abstract. *The article is devoted to the coronation celebrations of Emperor Alexander III in May 1883. The coronation cycle lasted three weeks and included a variety of ceremonies (church, military) that have a special sacred meaning. Festivities on the Khodynka field on May 21, 1883 are analyzed as one of the most popular coronation celebrations. This traditional public festival, organized by M.V. Lentovsky and F.O. Shekhtel in the form of fair festivities, was a success. Its central platform and connecting link was the arrangement of the allegorical procession Vesna Krasna. Its story of a spring rejuvenation with the involvement of quaintly costumed epic heroes made it possible to create the necessary atmosphere of celebration and fun. By dividing the space of the festivities into separate stages and playgrounds inside the large Khodynka field, the organizers managed to spread the people out. The participants of the festival received refreshments and memorable gifts, and most importantly, they were able to see the newly-crowned monarch. The goal of demonstrating the unity of the emperor and the people was achieved. The «popular picture» of the holiday was disseminated through the press throughout the empire. Other interpretations of the celebration took place in the radical press, but they did not affect the festivities themselves. The coronation of 1883 was the first after the abolition of serfdom (1861), and therefore the peasants became its new legitimate participants, as evidenced by the lunch organized in the courtyard of the Petrovsky Palace for the volosts' heads. Emperor Alexander III honored the dinner with his presence and delivered speeches appropriate to the occasion, supported by those present. The Festivities on May 21, 1883 showed that the successful organization of this kind of entertainment requires clear advance planning, combination with the general concept of the celebration, and ensuring the safety of the people. The variability of the festivities largely depended both on the specific «state order» and on the creative potential of their direct organizers.*

Keywords: *Coronation; Alexander III; 1883; Russian Empire; Festivities; representation of power; organization of celebrations; procession; Khodynka Field.*

Limanova Svetlana Andreevna – Ph.D., Institute of Russian History,
Institute of World History, senior researcher. Russia, Moscow.
E-mail: serovasvetlana@mail.ru
Scopus Author ID: 57220923106
Web of Science Researcher ID: AAF-3549-2020

*Отчего сегодня зазвонили рано
На холме Кремлевском в колокол Ивана?..
Отчего сегодня над Первопрестольной,
Как на Пасхе слышен голос колокольный?..
Отчего сегодня с солнечным восходом
Улицы кипели радостным народом?*

[Подробности настоящего торжества 1883, с. 506]

В майские дни 1883 г., 140 лет тому назад, состоялось масштабное трехнедельное празднование коронации императора Александра III. Поскольку коронация являлась ключевой и наиболее зрелищной церемонией начала каждого нового царствования, коронационные торжества неизменно привлекали повышенное внимание верноподданных и мировой общественности. Главный символический акт принятия власти традиционно совершался в стенах Успенского собора Московского Кремля. В 1883 г. этим днем стало 15 мая². Однако и до, и после него совершались различные церемониальные действия и празднества, наполненные особой символикой.

8 мая состоялся приезд императорской четы со свитой в Петровский дворец, **10 мая** – торжественный въезд в Москву; 11 мая – освящение Государственного знамени; 12, 13 и 14 мая – объявление о Коронации и всенощное бдение накануне главного торжества;

15 мая – день Священного Коронация, с последующим обедом в Грановитой палате, вечерняя иллюминация Кремля; 16 мая – прием поздравлений в Большом Кремлевском дворце и бал; 17 мая – торжественные аудиенции, вечером – бал у московского генерал-губернатора; 18 мая – прием поздравлений, вечером – торжественный спектакль в Большом театре; 19 мая – обед в Грановитой палате для духовенства и особ первых двух классов; в Золотой палате – для особ третьего класса; вечером – бал в Дворянском собрании; 20 мая – обед в Кремлевском дворце; вечером – бал у германского посла;

21 мая – церковный парад, народный праздник и обед волостным старшинам; 22 мая – посещение Троице-Сергиевой лавры; 23 мая – празднование 200-летия Семеновского и Преображенского полков, обед для войска в Сокольниках; вечером – бал в Кремлевском Дворце; 24 мая – обед в Кремлевском дворце; 26 мая – торжественное освящение Храма Христа Спасителя; 27 мая – посещение Политехнического музея, обед в Кремлевском Дворце; 28 мая – парад войскам на Ходынском поле и отъезд из Москвы.

В черед коронаторных торжеств, рассчитанных на самые разные сословия, что видно из представленной программы, было два наиболее массовых мероприятия, в которых буквально любой желающий мог принять участие. Это въезд в Первопрестольную (10 мая) – церемония, протяженностью

2. Здесь и далее даты даются по старому стилю.

в несколько верст, от Петровского дворца до Кремля, демонстрирующая императорский двор во всем его величии, и народный праздник на Ходынском поле (21 мая), нацеленный на поддержание особой связи между царем и народом. Этот праздник заслуживает особого рассмотрения и как образец позднейшей имперской репрезентации власти, и как своего рода сказка, в которой переплелись вневременные были и небылицы.

Весна нового царствования

Если обратиться к архивным документам по подготовке народного праздника, то окажется, что в нем практически не оставалось места спонтанности, напротив, все продумывалось и планировалось заблаговременно. К организации были привлечены известный антрепренер М.В. Лентовский и молодой архитектор, сценограф, художник Ф.О. Шехтель.

При подготовке народного гуляния Коронационная комиссия руководствовалась концепцией «единения царя и народа», придав самому гулянию «поучительное значение драматическими представлениями и декоративным убранством, относящимся к славному прошлому и к нынешнему величию России (независимо, конечно, от игр и увеселений, обычных при народных праздниках)» [Слюнькова 2011, с. 126]. В дополнение к традиционному пиру предполагалось устроить яркую весеннюю ярмарку – с разнообразными представлениями, развлечениями и угощениями. Центральным образом была выбрана весна, символизирующая обновление жизни (это можно было рассматривать и как аллегория: новый правитель – начало новой жизни).

Согласно отдельно изданной и подробной Программе народного праздника, гулянья намечались 21 мая 1883 г. на Ходынском поле [Народный праздник 1883, с. 3]. В то время это была загородная территория, напротив Петровского дворца, по левую сторону Петровского шоссе. При выборе данной площадки учитывались ее большие размеры³ (по сравнению с Сокольниками или Девичьим полем, где праздновались коронации Александра I и Николая I; поле превосходило даже Царицын луг (Марсово поле), на котором устраивались главные гулянья в столичном Петербурге).

От Царского павильона, окруженного эстрадами для знатной публики, в одну и в другую сторону отходили две дуги, выстроенные при помощи палаток, из которых намечалась раздача угощений. Вершины дуг соединялись посредством специально подведенной ветки железной дороги. По ней подвозились бочки с пивом и медом. В самом центре получившейся громадной площадки располагался цирк, вокруг него – четыре театра, где готовился показ представлений: сказок «Весна Красна» и «Иван Царевич», пьесы «Русская

3. 800 саж. длины и 700 саж. ширины, т.е. 1,7 км на 1,5 км.

свадьба (в исходе XVI столетия)», военной пантомимы «Русские орлы на Кавказе», шутовского «Похождения Арлекина». Дальше по всему пространству были расщелоточены карусели, эстрады для песенников и музыкантов, мачты для лазанья на призы и т.д. Отдельный внутренний круг (между цирком и Царским павильоном) был выделен под особое шествие «Весна Красна»⁴, которое должно было предвдвартя появления императора и стать связующим звеном праздника.

Разделять основные этапы гулянья помогали звуковые и световые сигналы. О начале можно было узнать по пушечной пальбе; кульминационный момент – приезд императора – сопровождался исполнением гимна «Боже, Царя храни!», отъезд – пушечными выстрелами и пением «Слався!». По мере наступления темноты – зажигались бенгальские огни, оркестры начинали играть «Коль славен наш Господь», производился салют из орудий и... наступал финальный аккорд в виде потрясающего воображение фейерверка.

На всех гостей была рассчитана раздача угощений – пива в кружках, которые можно было оставить на память, а также сладостей и пирогов. Для тех, кто принимал активное участие в играх и состязаниях, были заготовлены специальные призы: картузы, шаровары, жилеты, рубашки, сапоги и даже часы. Готовились и некоторые необычные сюрпризы.

Наиболее запоминающимся из них стало то самое карнавальное шествие «Весна Красна». Оно восхищало красочностью костюмов и динамичностью, поражало необычностью образов и их сочетаний. Шествие состояло из поочередно появлявшихся групп: герольды в блестящих шлемах и латах с золочеными крыльями; жуки и кузнечики, лягушки; колесница царицы в сопровождении пчел (олицетворение труда и пользы); богатырь Микула Селянинович, окруженный муравьями (земледельческая сила); богатыри земли русской во главе с Ильей Муромцем (силы природы); колесница Весны (Царь-Девница) с цветами и бабочками (символ обновления); Змей-Горыныч, поражаемый Добрыней Никитичем (искоренение зла); хмель со скоморохами (веселье и удаль), тройка с медведем и хороводы. Изображения этого уникального аллегорического шествия сохранились и хорошо известны благодаря альбому с аналогичным названием «Весна Красна», выполненному Ф.О. Шехтелем.

Выпуск этого альбома через два месяца после коронационных торжеств стал отдельным важным событием художественной жизни Москвы. Он был высоко оценен специалистами и несколько раз переиздавался. Однако воспроизведенные в нем символические картины имеют весьма краткие подписи и не содержат пояснительных комментариев, что оставляет простор для их толкования.

4. Во избежание столпотворения этот участок на время шествия был отгорожен от публики канатами.

Как отмечает искусствовед И.Н. Слюнькова, подробно исследовавшая сам альбом и сопутствующие материалы, контекст ярмарки и образ весеннего обновления на фоне общего веселья позволил смешать жанры и эпохи: здесь было место и русским народным традициям, и античным образам, и мифологии, и мистификациям. Например, герольды – греческий Гермес или римский Меркурий, Добрыня Никитич – Георгий Победоносец, Весна Красна – Царь-Девица, или Масленица. Все это в сочетании с фантастическими и красочными перевоплощениями людей в диковинных животных или насекомых и обратно наталкивает на мысль, что картины вполне могут содержать «скрытые» смыслы, зашифрованные в «изображения-перевертыши» [Слюнькова 2011, с. 133–135]. Она же высказывает интересное предположение, что разыгранное представление «могло восприниматься как шутовская и беззлобная пародия на один из самых пафосных ритуалов священного коронования – торжественное вступление царя в город Москву» [там же, с. 136–137].

Дальнейшие попытки «расшифровать» альбом и полнее раскрыть общий замысел гуляний, очевидно, должны опираться как на расширение круга источников, так и на понимание того, что представленные костюмированные сценки могли по-разному восприниматься различными группами населения. Доступна ли была предполагаемая глубина образов основным участникам народного праздника, или они по-своему трактовали увиденное? Что более всего привлекло общее внимание?

«Жив не буду, а царского угощения испробую»

«Заглянуть» на народный праздник 21 мая позволяют его описания, сохранившиеся в периодике за 1883 г. Прежде всего это московские издания – «Московские ведомости» и «Московский листок». Ракурс первого был направлен на историческое восприятие свершавшегося коронационного торжества и сопутствующих ему празднований, второе – оперативно и во всех подробностях отражало повседневную жизнь Москвы и ее изменения в высокоторжественные дни. Визуализировать прочитанное помогает столичный журнал для семейного чтения «Нива» – с черно-белыми иллюстрациями к наиболее важным моментам торжеств. Официальный обзор праздника дает выпущенный сразу после коронации тематический сборник «Венчание Русских Государей на царство...», в котором были собраны как сведения о предшествующих коронациях, так и довольно подробное, буквально репортажное, освещение только что состоявшейся.

Сказка (или сказ) о народном празднике начинается с того, что многим участникам гулянья предстояло отправиться «за тридевять земель» – в Москву, чтобы своими глазами увидеть нового царя-батюшку. Это и главный мотив, и начало сюжетной линии. Народ стал собираться с 5 часов утра, от

Тверской и Пресненской застав, с одной стороны, от Всехсвятской рощи – с другой. У кого-то виднелись котомки и посохи, следовательно, люди приходили издалека. Это была так называемая «пешеходная Русь» [Праздник на Ходынском поле 1883, с. 578], которая стекалась из губерний, прилегающих к Московской. Людской поток от Красной площади по всей Тверской улице к Ходынскому полю постоянно пополнялся: «Казалось, что прорвалось море и хлынуло всей своею силою по одному направлению» [Пастухов 1883, с. 1]. Приведенное сравнение народной массы со стихией неоднократно будет повторяться, подчеркивая единодушную поддержку коронованного монарха.

Празднования планировали начать в 12 часов дня. Однако большой наплыв желающих привел к тому, что пускать на поле стали с 10 часов. «Каждый входивший получал от артельщиков, находившихся в буфетах при проходе, плетеную корзину с двумя пирогами, бумажным мешком с сладким угощением и глиняной кружкой или стеклянными стаканами для пива и меда. Пироги раздавались с мясом и вареньем; тут же, невдалеке от гулянья, в здании бывшего механического отдела выставки, пироги пеклись Филипповым⁵ во множестве печей. В бумажном мешочке с вензелем Их Величеств, напечатанном красной краской, находились орехи, цареградские стручки, конфеты, пряники; кружки были глиняные, глазированные; на них выбит государственный герб, а также год священного коронования» [Венчание Русских Государей 2012, с. 235].

По общим подсчетам празднование на Ходынском поле посетили 500–600 тыс. человек: «Громадные толпы народа запрудили бурным морем все пространство; точно волны двигались эти людские массы по разным направлениям, все столы и скамейки были облеплены в один миг. Надо всем этим стоял гул нескольких сот тысяч голосов. Что-то необычайное, стихийное было в этом празднике народа, ликующего и радующегося общей радости России» [Подробности настоящего торжества 1883, с. 506]. Это был тот самый «пир на весь мир», объединяющий и вселяющий веру в лучшее будущее.

Пересекая границу поля, участники гуляний попадали в умело созданный, сказочно декорированный и удивительный мир развлечений, где все находилось в движении и веселье: музыка, карусели, представления, песенники и т.д. Тут же имелась возможность пройти испытания, чтобы показать свою удаль и повеселить народ – взобраться на вертикальную мачту, смазанную салом; проползти по «лежачей» мачте, не угодив в мешки с сажой или мелом, поймав в конце поросенка, и т.п. Победители получали заслуженные награды в виде призов. Много было забав и разговоров об увиденном. Например, непонятная

5. Имеется в виду представитель известной династии купцов Филипповых, владельцев булочных.

«гора», которую активно обсуждали собравшиеся, оказалась надуваемым шаром. По задумке организаторов, он должен был взлететь вверх и разбросать по полю платки, но этот сюрприз не удался. Шар разошелся по шву, и сразу посыпались шутки про то, что его надо чинить и заплату ставить.

Ошибочно мнение, что в народном празднике принимал участие только простой люд. Здесь можно было встретить и мастерового, и купца, и представителей других сословий, у каждого был свой интерес:

«И куда ты, купец, прешь, али ты никогда пива не пивал? – удивляется мастеровой, обращаясь к франтовато одетому лавочнику, который, весь раскрасневшись и запыхавшись, буравит плечом толпу.

– И глуп ты, братец мой, – говорит мимоходом купец, – не из-за пива я тепериче на всю толпу штурмой иду, а ради, значит, того, что царское угощение лестно попробовать...

– Купец! купец! гляди – фалду оборвали! – кричат сзади.

– Ну, и пушай! – отвечает лавочник, – а все же своего добыюсь, жив не буду, а царского угощения испробую...» [Пастухов 1883, с. 2].

Кто-то слишком увлекался празднованием:

«Ой, батюшки! Господи!... Ох, ох! – раздается крик...

– Что такое? Что такое? Что там, милый, такое?..

– А это-с мущина один плачет. Стало быть, достал он не то кружку, не то стакан, да и положи его, дурак, в задний карман...

– Ну, ну...

– Ну, и сел на него, да и раздавил... Вот и плачет.

– Больно укололся, что ли?

– Боль что? Боль плевать! Стакан жалко. Потому память. Вот что... Ну, и убивается, а боль, это пустое!..» [там же, с. 2].

Объединяло всех этих людей стремление почувствовать себя частью большого праздника и сохранить о нем что-то на память. При этом все ожидали кульминационный момент – появление главного виновника торжества.

В два часа с минутами музыка прекратилась, на красиво убранном, возвышающемся над полем, Царском павильоне взвился императорский штандарт, заиграл гимн – прибыла императорская семья со свитой. Народ мог лицезреть своего правителя. В воздух полетели шапки, а окрестности огласились несмолкаемым «ура!». Это были наиболее трогательные минуты, которые отразились во всех описаниях и воспоминаниях.

Присутствовавшая среди великосветских гостей баронесса Э. Раден писала своей сестре: «Наконец от Петровского дворца показался экипаж Государя. Его Величество с Государыней показался на галерее (царского павильона), и вмиг полмиллиона человек обнажили свои головы, и воздух задрожал от такого *ура*, какого не услышишь дважды в жизни! Оркестры музыки перед самым павильоном исполняют гимн, но его почти не слышно. *Ура* и только

ура, и шапки летят на воздух, и это море людей как бы склоняется, движимое чувством энтузиазма к Тому – от Кого, по воле Божией, зависит счастье или несчастье страны! Государь и Государыня раскланиваются на все стороны – и *ура* не замолкает» [Шевелев 1896, с. 14].

Не скупилась на восторженные выражения и пресса: «Как раскат грома, переливалось это ура по всему запруженному народом пространству на несколько верст. Музыки не было слышно! В воздухе стоял гул радости и восторга! Картина была неопиcуемая. Все эти обнаженные головы, сотни тысяч рук, машущих платками, шапками, шапки, летящие в воздухе, – выше всякого описания. Надобно видеть самому, надо чувствовать, чтобы понять величие и торжественность этого момента, который никогда не изгладится из памяти присутствующих. Это был воистину восторженный народ, приветствовавший от души, от сердца, своего Венценосного Вождя» [Праздник на Ходынском поле 1883, с. 578].

Богатыри на службе России

Самый запоминающийся миг следовало закрепить красочным действием. Таким и стало шествие «Весна Красна», развернувшееся перед Царским павильоном: «Когда народные клики стали затихать, из цирка тронулось грандиозное аллегорическое шествие *Весна*, идеей которого было образно представить постепенное развитие этого всевоскрешающего времени года, победу жизни и добра. За крылатыми герольдами следовали жуки и кузнечики, царица пчел, окруженная пчелиным народом, колесница богатыря Микулы Селяниновича, окруженная муравьями, русские богатыри Добрыня Никитич, поражающий треглавого Змея-Горыныча, и т.п. Шествие заканчивалось медведем, журавлем и русским хором с песнями и плясками. Спустя минут двадцать после окончания аллегорического шествия, пушечные выстрелы возвестили отбытие Их Величеств с народного гулянья» [Москва 1883, с. 3]. Такое телеграфное сообщение, с небольшими вариациями, разлетелось по главным газетам империи. Таким образом, закрепился основной посыл нового правления – обновление (весна) и могущество (сила защитников-богатырей). К этому следует добавить, что образ императора Александра III неоднократно сравнивали с собирательным образом богатыря [Уортман 2004, с. 283, 310].

Из других публикаций можно узнать некоторые подробности о самом шествии и о том, как оно было воспринято. Журнал «Нива» дал на обложке изображение богатыря Микулы Селяниновича [Праздник на Ходынском поле 1883]. Судя по стихотворным строкам из упомянутого альбома Ф.О. Шехтеля, Микула являлся центральным персонажем обновленной Весной жизни, с которого следовало брать пример:

Все к жизни возвратив, дай Бог, чтоб ты вдохнула,
В нас правды – силу, мощь... Чтобы в стране родной:
Как древний богатырь – мифический Микула, –
Был так же крепок, бодр народ наш дорогой!

[Весна Красна 1883].

И, похоже, народ понял это: «В шествии <...> среди народа большой успех имело олицетворение земледельческой силы, это был богатырь, держащий соху, Микула Селянинович⁶. Картина русского пахаря – крайне родная, близко знакомая сердцу русскому. В ней много сказывается; фигура пахаря произвела большое впечатление» [Праздник на Ходынском поле 1883, с. 578].

«Московский листок» добавлял, что впереди герольдов, во главе процессии можно было разглядеть организатора празднований – М.В. Лентовского, в то время как публика тепло встретила шествие: «Народ аплодировал мужичку с сохою, ехавшему на колеснице. Процессия тянулась не менее получаса, а затем шествие закончили несколько артистов, изображающих необыкновенно высокий рост, и своими движениями вызывали в народе хохот» [Пастухов 1883, с. 2]. В результате основной отклик нашли образы, наиболее близкие простому русскому народу, и, наоборот, максимально непохожие на повседневные, но способные вызвать смех, поднять настроение.

Эффектным и памятным завершением сказки, в которую будто по мановению волшебной силы ровно на один день попало полмиллиона царских гостей, стал грандиозный фейерверк: «Девять часов. Выстрел. Лопнула в воздухе сигнальная ракета со шлагом. Из темной группы деревьев Всехсвятской рощи, точно огненные змеи поползли в высь, в облака, ракеты. Вот одна из них рассыпалась огненным дождем, другая лопнула и выпустила громадный букет рубиновых, изумрудных звезд, а вот и целый бриллиантовый фонтан, мечущий снопы огненных искр и колосьев. При каждой ракете, при каждой римской свече, по всему полю перекачивается “ура”! Наконец на темном фоне рощи выделился щит с вензелями Их Величеств. На всех эстрадах музыканты играли гимн. Народ вторил оркестрам, и все сливалось в общую картину ликования. У Ваганькова кладбища взвились в воздух еще ракеты, за ними другие... Это малый фейерверк, который был пущен почти у городской заставы и как бы звал народ расходиться по домам. Путь был освещен 200 бенгальских огней, которые держали в руках солдаты; среди этой огненной

6. Трансформация образа Микулы Селяниновича может стать предметом отдельного исследования. В XIX в. этим занимались историки литературы и фольклористы Ф.И. Буслаев, О.Ф. Миллер, А.Н. Веселовский и др. Сам М.В. Лентовский неоднократно обращался к его воплощению. Для данной статьи важен тот факт, что образ былинного богатыря-крестьянина был понятен публике без дополнительных пояснений.

аллеи проходили масса люда, возвращавшегося с устроенного ему Царем пира» [Праздник на Ходынском поле 1883, с. 578].

Помимо вензелей, из салютов была зажжена объемная декорация в виде распростертого орла (государственный герб) с надписью «Мир стране родной» [Венчание Русских Государей 2012, с. 240]. Так определился еще один маркер (посыл) правления. И действительно, император Александр III вошел в историю как Царь-Миротворец. Так в символике коронационных празднований отразились основные тенденции нового царствования.

Пресса отметила также, что народное гулянье происходило с «замечательным порядком» и «спокойствие нигде не было нарушено» [Праздник на Ходынском поле 1883, с. 578]. Причем если в большинстве заметок это прописывалось как нечто само собой разумеющееся или даже выделялось как национальная черта – весь мир удивляется, как русский народ «такой порядок соблюдает, какого ни в одной заграничной земле не видано» [Столичная печать о коронации 1883, с. 2], то «Московский листок» восхитился подобной самоорганизацией: «Надо отдать полную справедливость этим шестистам тысячам народа за то образцовое поведение, с каким он провел радостный для себя день: ни споров, ни каких-либо других случаев не было. Словом, порядок был соблюден во всем. Народ знал, где он и зачем пришел, и мы от души говорим ему от себя – спасибо!» [Пастухов 1883, с. 2].

При изучении позднеимперских городских торжеств с участием массового зрителя акцент на данные сведения имеет двойную смысловую нагрузку. В ходе гуляний, прежде всего, опасались возможных покушений на нового императора (после смерти его отца императора Александра II от рук террористов), в связи с этим принимались повышенные меры безопасности. Соответственно, лояльность толпы способствовала поддержанию порядка и не могла не быть отмечена. Второй момент – события народного праздника последующей коронации (18 мая 1896 г.), печально известные как давка на Ходынке. В таком контексте успешное проведение гуляний в коронацию императора Александра III вызывает повышенный интерес именно с точки зрения их организации. Ведь эта сказка оказалась со счастливым концом.

Представители земли Русской

Важным эпизодом дня народного гулянья стало участие императора Александра III в обеде волостных старшин, устроенном во дворе Петровского двorca. Император со свитой отправился туда сразу после посещения Ходынского поля, примерно в три часа дня. Старшины, числом более 600 человек, были рассажены в соответствии с губерниями, которые они представляли. Во время обеда около палаток играла музыка лейб-гвардии Преображенского полка. «Пред каждым из обедавших лежала роспись блюд, на которой под красивою

виньеткой, изображающей княжеский пир, крестьян с хлебом-солью в руках, племена, населяющие Россию в национальных одеяниях, и виды Москвы, напечатано: «Роспись блюд стола Царского. Старшинский обед 21 мая 1883 года. Борщ, кулебяка, судак фаршированный, телятина с овощами, жаркое разное, огурцы, левашники⁷» [Москва 1883, с. 3].

Поскольку коронация 1883 г. была первой коронацией после отмены крепостного права, включение такого обеда в программу празднований означало и приобщение крестьянского сословия к структуре российской монархии [Уортман 2004, с. 314]. Крестьянских представителей не просто пригласили на царский пир, но буквально усадили за одним столом. Оформление «росписи блюд» перекликалось с темой московского прошлого династии Романовых, к которой активно обращались при разработке меню для главного банкета в Грановитой палате и для других коронационных приемов. По завершении обеда его участники получили на память кабинетные поясные портреты императора.

В ходе встречи Александр III обратился к волостным старшинам с речью: «<...> душевно благодарю за ваше сердечное участие в торжествах наших, к которым так горячо отнеслась вся Россия. Когда вы разъедетесь по домам, передайте всем мое сердечное спасибо; следуйте советам и руководству ваших предводителей дворянства и не верьте вздорным и нелепым слухам и толкам о переделах земли, даровых прирезках и тому подобному. Эти слухи распускаются нашими врагами. Всякая собственность, точно так же как и ваша, должна быть неприкосновенна. Дай Бог вам счастья и здоровья» [Венчание Русских Государей 2012, с. 227, 230]. Затем произнес в адрес присутствовавших здесь же предводителей дворянства: «Благодарю вас за верность. Я всегда был уверен в искренних чувствах дворянства и твердо надеюсь, что оно как было, так и будет опорой во всем хорошем – для пользы престола и отечества. Дай Бог нам жить мирно и тихо; благодарю вас от души» [Венчание Русских Государей 2012, с. 230]. Эти речи, слово в слово, были перепечатаны во всех газетах империи. И если декоративные образы коронации могли варьировать в своих интерпретациях, то изречение монарха не подразумевало двойных трактовок.

По сообщениям официальных источников, речи были восприняты благосклонно. Император с императрицей обошли все палатки. «В средней палатке старшина Белгородского уезда, Курской губернии, Борис Гвоздев, просил позволения выпить за здоровье Его Величества. Государь, ласково улыбаясь, дал свое согласие. Палатка огласилась громким *ура*, подхваченным в других палатках» [Москва 1883, с. 3]. Это еще раз свидетельствовало о безоговорочной поддержке.

7. Особо приготовленные пироги с ягодной начинкой.

В память о таком событии была специально заказана и исполнена художником И.Е. Репиным картина «Прием волостных старшин Александром III во дворе Петровского дворца в Москве», на которой император Александр III изображен стоящим в окружении представителей земли Русской, почтительно снявших шапки и внемлющих своему монарху. На заднем плане, за могучими плечами императора, виднеются под зонтиком императрица Мария Федоровна и пятнадцатилетний наследник цесаревич Николай Александрович, будущий император Николай II. Рядом и за ними также стоят народные представители.

«Московские ведомости» писали: «В тяжкое пережитое нами время диавол ходил по Русской земле, сея плевелы раздора и смуты. Бог не дал взойти проклятому посеvu. Крепкая вера русского народа спасла его. Он устоял в искушении. Злоумышленные усилия потрясти общественный порядок и вооружить одно сословие против другого не имели успеха. Но да избавит нас бог от дальнейшего искушения. Нужно оградить народ от козней обмана, который пользуется даже царским именем, чтоб овладеть бесхитростными умами. Новая открывшаяся эра, будем надеяться, положит конец всяким неясностям и шатаниям, которые были последствием быстрых и недостаточно согласованных нововведений. Всего нужнее установить мирные и добрые отношения между дворянством и крестьянством. Слова, сказанные Государем на обеде волостных старшин, определяют тот характер отношений, который всего лучше может обеспечить земский мир...» [Москва 1883, с. 3]. В духе сказочных преданий (борьбы добра со злом) консервативная московская газета преподносила вполне понятные современнику реалии: общество отошло от шока после убийства императора Александра II, новых потрясений не ожидается, необходим возврат к традиционному укладу (опора монарха на дворянство, которому, в свою очередь, обязано повиноваться крестьянство), несмотря на свершившиеся изменения (отмена крепостного права).

Патриотизм коронационных дней выглядел впечатляюще: «Россия предстала пред целым миром в своем истинном своеобразном виде, со всею беспредельною преданностью народа самодержавному Царю, не нуждающемуся для упрочения своей верховной власти ни в каких договорах со своим народом» [Новороссийский телеграф 1883, № 2483, с. 2]. Связь царя и народа выходила на первый план и постоянно подчеркивалась. Успешно проведенные гулянья визуализировали то, о чем так много говорили.

Народный праздник на Ходынском поле создал «лубочную картинку» единения царя и народа, проецируемую на всю империю. Возможность личного общения императора с народными представителями усилила это впечатление. Праздничные декорации (включавшие государственную символику – флаги, гербы, вензеля), фантастические перевоплощения и сказочная сила народных героев своевременно дополнили иллюзию всеобщего довольства.

Так начал складываться образ национальной монархии, черпающей свою силу в прошлом.

Коронационные небылицы

Новый «сценарий» власти не всеми оказался понят и уж тем более принят: «образованное общество было разделено на тех, кто остался верен народному духу, и тех, кто ему изменил, – в результате область недоверия расширилась, включив в себя многих представителей образованного общества, которые раньше считались способными оказывать монархии хотя бы пассивную поддержку» [Уортман 2004, с. 274]. Не утихали и противники монархии.

В радикальной прессе высмеивалось само торжество коронации, похожее более на «маскарад», не соответствовавшее настроениям и духу времени. Обличения были построены на нивелировании положительного образа: милости монарха в виде коронационного манифеста обесценивались, самого Александра III обвиняли в «трусливой нервозности», общий правительственный курс назывался продворянским и крепостническим, досталось и «невежественному», «малодушному» обществу [Виноградова 2015, с. 183–187], которое радо было продолжать жить в придуманной для него сказке.

Однако даже самые непримиримые борцы с самодержавием на тот момент понимали, что, с одной стороны, трудно безболезненно «отделить» монарха от его народа, с другой – только показывая минусы власти, можно подготовить необходимую почву, зародив семя сомнения среди основной массы населения [там же, с. 186–187]. То есть все то, о чем «Московские ведомости» размышляли с охранительной позиции, необходимо было переиначить, придать противоположную оценку, вновь «ввести в искушение». При этом отсутствовали конкретные предложения, что именно следует сделать для изменения образа монархии, равно как и понимание того, насколько его можно «осовременить».

Тем не менее негативные определения, изначально воспринятые как полные небылицы, при их неоднократном повторении стали звучать все более убедительно и укореняться в сознании, особенно на фоне быстро меняющихся реалий. Ориентация на народность нуждалась в постоянной подпитке. Изменений требовала бюрократическая прослойка, пересмотра – общая система государственного управления. Империя искала свой путь, хотя времени на это становилось все меньше.

В результате «старая добрая» сказка, над созданием и поддержанием которой из века в век трудились придворные летописцы, была отвергнута. «Чистые страницы» истории наполнились произведениями новых жанров, в которых, как ни странно, звучали те же народные мотивы, только на иной лад.

* * *

Традиционно устраиваемый в царскую коронацию народный праздник представлял яркий контраст обычным рабочим будням. Само слово «праздник» говорило о праздности, т.е. о беззаботном времяпрепровождении. Это был день, когда крестьяне и простые труженики могли отвлечься от повседневных задач и погрузиться в мир веселья. Все было подготовлено для этого – красочные декорации, разнообразные развлечения и обильное угощение. Мотивацией попасть на праздник служило как желание увидеть своего нового правителя, так и ожидание хорошо провести время, приобщиться к царскому пиру, сохранить особые воспоминания и получить символические подарки. Очевидец коронационных торжеств, безусловно, становился душой любой компании, будто повышая тем самым свой социальный статус.

В игровой форме участники гуляний воспроизводили обычаи и нравы своей страны, вовлекались в сказочные сюжеты, получали патриотическое воспитание и в то же время могли от души повеселиться, дать волю своим эмоциям. Это все переплеталось, пусть и на один день, раздвигая границы возможного. Император «знакомился» со своим народом, в то время как царские гости – могли лицезреть нового коронованного монарха.

Народный праздник 1883 г. оказался хорошо организован и оформлен на высоком декоративном уровне. Публика была рассредоточена, занята и постоянно находилась в движении, что позволило избежать потенциально опасных скоплений. К этому добавились повышенные меры безопасности. Кроме того, как утверждали многие издания, народ, понимавший, куда он пришел, сумел хорошо самоорганизоваться.

В результате празднование в виде весенних ярмарочных гуляний позволило собрать внушительное количество участников (более полумиллиона) и органично «вписать» их в коронационное действо. Император Александр III получил зримую поддержку верноподданных, что произвело большое впечатление на иностранных гостей (одних корреспондентов от зарубежных изданий было более 40 человек). Глядя на ликующее море голов и оглушающие криками «ура», они уверились в незыблемости российской монархии и могуществе императора. Эффект, на который рассчитывали, был достигнут.

Из всего вышеизложенного следует, что потенциал народного праздника в позднеимперский период оставался высоким, однако его проведение надо было детально планировать: распределять и развлекать публику, комбинировать различные виды активности, заблаговременно минимизировать возможные риски, иметь дополнительные средства на случай возникновения критических ситуаций. В коронационном гулянье соединялись проявления исконно народной культуры и государственный «заказ на веселье», что могло привести к противоречиям. Праздник как «средство обуздания страстей и воспита-

ния народа в духе “самодержавия, православия и народности”» [Некрылова 1988, с. 193] требовал от организаторов максимальных усилий. Параллельно этому происходил поиск праздничных форм, способных отразить имперское величие и укрепить национальную идентичность.

Библиография

Венчание Русских Государей на царство. Начиная с царя Михаила Федоровича до Императора Александра III. Факс. изд. кн., выпущ. изд-вом Г. Гоппе. СПб., 1883. М.: Кремль-Фильм, МедиаПресс, 2012. 296 с.

Весна Красна. Аллегорическое шествие, устроенное на народном гулянье в Москве, 21 мая 1883 г. М. Лентовским, по случаю Священного Коронования Их Императорских Величеств. Рисунки Ф. Шехтеля. Изд-е 2-е, испр-е и доп-е. М.: Изд. М.В. Лентовский, в типо-литографии Ф.И. Нейбюргер, 1883. Без пагинации.

Виноградова Н.Н. «Маскарадная оргия»: радикальная пресса о коронации Александра III // Власть. М., 2015. № 4. С. 183–189.

К Коронации // Новороссийский телеграф. Одесса, 1883. № 2490. С. 2.

Москва, 21 мая // Московские ведомости. Газета политическая и литературная, издаваемая при Императорском Московском Университете. М., 1883. № 140. С. 3.

Народный праздник по случаю Священного Коронования Их Императорских Величеств. Программа и подробное описание гуляния. М.: Тип. Н.В. Любенкова, 1883. 16 с.

Некрылова А.Ф. Русские народные городские праздники, увеселения и зрелища: Конец XVIII – начало XX века. 2-е изд., доп. Ленинград: Искусство, 1988. 215 с.

Пастухов Н. Народное гулянье на Ходынке // Московский листок. М.: Изд. Н.И. Пастухов, 1883. № 139. С. 1–2.

Подробности настоящего торжества в Москве // Нива. СПб., 1883. № 21. С. 494–506.

Праздник на Ходынском поле 21 мая // Нива. СПб., 1883. № 24. С. 576–578.

Столичная печать о Коронации // Новороссийский телеграф. Одесса, 1883. № 2483. С. 2.

Слюнькова И.Н. Шехтель и Лентовский. Постановка народных гуляний коронации (По материалам РГАДА) // Предмет архитектуры: Искусство без границ. М.: Прогресс-Традиция, 2011. С. 121–144.

Уортман Р.С. Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии. В 2 тт. Т. 2: От Александра II до отречения Николая II. М.: ОГИ, 2004. 796 с.

Шевелев А. Май 1883 года. (Из писем баронессы Эдиты Раден к своей сестре). М.: Унив. тип., 1896. 16 с.

References

K Koronatsii [To the Coronation] // Novorossiiskij telegraf [Novorossiysk telegraph]. Odessa, 1883. N 2490. P. 2. (In Russ.)

Moskva, 21 maya [Moscow, May 21] // Moskovskie Vedomosti [Moscow News]. Political and literary newspaper published at the Imperial Moscow University. M., 1883. N 140. P. 3. (In Russ.)

Narodnyj prazdnik po sluchayu Svyashhennogo Koronovaniya Ikh Imperatorskikh Velichestv. Programma i podrobnoe opisanie gulyaniya [National festivities on the occasion of the Sacred Coronation of Their Imperial Majesties. Program and detailed description of the festivities]. M.: Print. of N.V. Lyubenkova, 1883. 16 p. (In Russ.)

Nekrylova A.F. Russkie narodnye gorodskie prazdniki, uveseleniya i zrelishcha: Konets XVIII – nachalo XX veka [Nekrylova A.F. Russian folk city festivities, amusements and spectacles: the end of the 18th – the beginning of the 20th century]. 2nd ed., add. Leningrad: Art, 1988. 215 p. (In Russ.)

Pastukhov N. Narodnoe gulyan'e na Khodynke [Pastukhov N. Festivities on Khodynka] // Moskovskij listok [Moscow paper]. M.: Ed. by N.I. Pastukhov, 1883. N 139. P. 1–2. (In Russ.)

Podrobnosti nastoyashchego torzhestva v Moskve [Details of the real celebration in Moscow] // Niva [Grainfield]. SPb., 1883. N 21. P. 494–506. (In Russ.)

Prazdnik na Khodynskom pole 21 maya [Festivities on the Khodynka field on May 21] // Niva [Grainfield]. SPb., 1883. N 24. P. 576–578. (In Russ.)

Stolichnaya pechat' o Koronatsii [Capital Press about the Coronation] // Novorossiyskij telegraf [Novorossiysk telegraph]. Odessa, 1883. N 2483. P. 2 (In Russ.)

Shevelev A. Maj 1883 goda. (Iz pisem baronessy Ehdity Raden k svoej sestre) [Shevelev A. May 1883. (From the letters of Baroness Edita Raden to her sister)]. M.: University Printing, 1896. 16 p. (In Russ.)

Slyun'kova I.N. Shekhtel' i Lentovskij. Postanovka narodnykh gulyanij koronatsii (Po materialam RGADA) [Slyunkova I.N. Shekhtel and Lentovsky. Statement of folk festivals of the coronation (According to the materials of the RGADA)]. Predmet arkhitektury: Iskusstvo bez granits [Subject of architecture: Art without borders]. Moscow: Progress-Tradition, 2011, pp. 121–144. (In Russ.)

Uortman R.S. Stsenarii vlasti: Mify i tseremonii russoj monarkhii. V 2 tt. T. 2: Ot Aleksandra II do otrecheniya Nikolaya II [Wortman R.S. Scenarios of Power: Myths and Ceremonies of the Russian Monarchy. In 2 vols. T. 2: From Alexander II to the abdication of Nicholas II]. M.: OGI, 2004. 796 p.

Venchanie Russkikh Gosudarej na tsarstvo. Nachinaya s tsarya Mikhaila Fedorovicha do Imperatora Aleksandra III. Faks. izd. kn., vyp. izd-vom G. Goppe. SPb., 1883 [Coronation of Russian Monarchs for the reign. From Tsar Mikhail Fedorovich to Emperor Alexander III. Facsimile edition]. M.: KremlinFilm, MediaPress, 2012. 296 p. (In Russ.)

Vesna Krasna. Allegoricheskoe shestvie, ustroennoe na narodnom gulyan'e v Moskve, 21 maya 1883 g. M. Lentovskim, po sluchayu Svyashchennogo Koronovaniya Ikh Imperatorskikh Velichestv. Risunki F. Shekhtel' [Spring Red. Allegorical procession arranged at a folk festival in Moscow, May 21, 1883 by M. Lentovsky, on the occasion of the Sacred Coronation of Their Imperial Majesties. Drawings by F. Shekhtel]. 2nd edition, corrected and supplemented. M., [Ed. M.V. Lentovsky], in typography by F.I. Neiburger 1883. Without pagination. (In Russ.)

Vinogradova N.N. «Maskaradnaya orgiya»: radikal'naya pressa o koronatsii Aleksandra III [Vinogradova N.N. «Masquerade Orgy»: the radical press about the coronation of Alexander III]. Vlast' [Power]. M., 2015. N 4. P. 183–189. (In Russ.)